

Писатель **Валентин Распутин:**

«Я стал терпимее к своим оппонентам»

Сегодня в МХТ им. Чехова состоится премьера спектакля «Живи и помни», поставленного по знаменитой повести Валентина Распутина. Накануне премьеры с известным писателем встретила обозреватель «Известий» **Марина Давыдова**.

ИЗВЕСТИЯ: Вы в театр часто ходите, когда приезжаете в Москву?

РАСПУТИН: Нечасто, но хожу.

ИЗВЕСТИЯ: В какие? Их тут много.

РАСПУТИН: Больше все-таки к Дорониной.

ИЗВЕСТИЯ: Вы знаете наверняка, что МХАТ Дорониной и МХТ Табакова находятся не в самых приятельских отношениях. Для вас это не играло роли, когда вы узнали, что «Живи и помни» выходит у Табакова?

РАСПУТИН: Но эти театры находятся в России. И если они по-разному понимают... Хотя нет, не думаю, что они по-разному понимают Россию. Они по-разному понимают искусство. И Табаков считает, что своим искусством он служит России. И

Татьяна Васильевна так считает. Просто разные методы воплощения. Я, конечно, больше на стороне Дорониной, это ближе мне. Олег Павлович несколько дальше. Но это талантливый человек. Чего уж там говорить.

ИЗВЕСТИЯ: Вам не кажется несколько старомодным сам стиль доронинского МХАТа? Это же какое-то консервированное искусство.

РАСПУТИН: А это то, что и нужно сейчас. В этом спасение. И мне кажется, мир уже признает это. Даже самый дикий Запад уже понимает, что спасение в консервативности. Там ведь консерваторов больше, чем у нас. Я думаю, что и у Бога святыне — они тоже все консерваторы. (Смеется.) → **СТР. 10**

Известия - 2006 - 17 янв. - с. 1, 10.

«Я стал терпимее к своим оппонентам»

ИЗВЕСТИЯ: Солженицын как-то назвал вас нравственником. А я вот думаю: если посадить рядом Доронину, Табакова, Додина, Захарова — это ведь очень разные художники, с разными политическими и эстетическими пристрастиями — и задавать им вопросы нравственного толка, они наверняка одинаково ответят. Почему же вопросы нравственности, вроде бы объединяющие нас, так часто становятся водоразделом в вопросах эстетических?

РАСПУТИН: Потому что эстетическое потом превращается в этическое. Что показывать и как показывать — вот в чем вопрос. Есть такая жизнь, о которой мы все знаем, но которая должна быть скрытной. Ее нельзя показывать на сцене. В зале ведь народ не только подготовленный, уме-

рю. Думаю, и у Олега Павловича во многих спектаклях утеряно. Молодые талантливые актеры...

ИЗВЕСТИЯ: А если бы вы решили, что интерпретация текста не соответствует его смыслу и духу, вы бы запретили спектакль? В вашей жизни вообще бывали такие случаи?

РАСПУТИН: Все же до запрета никогда не доходило. Видимо, просто знали, с кем имеют дело. Я, откровенно говоря, шел на этот спектакль с некоторой опаской.

ИЗВЕСТИЯ: Почему?

РАСПУТИН: Сам материал непростой. Сейчас, знаете, многие театры любят представлять постельные сцены. А тут такая возможность в общем была. Все-таки четыре года муж с женой не виделись. Но в Художественном театре это сделано очень деликатно.

ИЗВЕСТИЯ: В былые годы вы воспринимались как оппонент советской власти. Теперь же те времена представляются вам куда благоднее нынешних...

РАСПУТИН: С советской властью у меня в первую очередь были расхождения по национальному вопросу. Я всегда считал, что попытка упразднить национальности и превратить всех в одну семью бессмысленна. Вот, казалось бы, мы в Сибири всегда жили с бурятами в мире. Они наши соседи. Их самобытность никак не могла угрожать нашей самобытности, а наша — их. Но годы советской власти привели к тому, что буряты стали забывать собственный язык. Песни свои перестали петь. И не потому, что их заставляли эти песни забыть, а потому, что мы все советский народ, русский язык — это наш советский язык. Я вспоминаю, как один американский композитор хотел послушать бурятские песни. И вдруг выяснилось, что они не могут их уже петь. Не могут — и все. Я даже не представлял себе, как все запущено. Мне до того было стыдно перед этим американцем, я ведь уверял его, что мы с легкостью найдем нужный ему фольклорный материал. А сейчас другая крайность. Бурятия хочет учить в школах русских детей бурятскому языку. Зачем это, спрашивается? Ведь бурятские понятия в нашем сибирском русском языке уже давно укоренены. Мы прекрасно понимаем друг друга. А вот как бы в отместку. Был крен в одну сторону, теперь в другую.

И все же если жестко выбирать между тем миром и этим, я бы, конечно, выбрал тот мир. При советской власти в народе еще не было потеряно чувство ответственности. Еще можно было по вопросам Байкала поднять общественное мнение, а сейчас — ведут вдоль озера нефтяную трубу, ну и бог с ней. Каждый просто старается выжить поодиночке. Пошли уже просто какие-то базарные отношения.

ИЗВЕСТИЯ: Вы всегда были защитником народа от несправедливой власти. Но не кажется ли вам, что беды России связаны не только с несправедливой властью, но и с самим народом? Я приведу простой пример: таких грязных подъездов, как у нас, я нигде не видела — ни в богатой Швеции, ни в бедной Болгарии. И это невозможно объяснить ни антинародной властью, ни плохой работой муниципалитета.

РАСПУТИН: Я согласен. Идеализировать наш народ не стоит. Наше несчастье было в том всегда, что мы слишком богаты. Слишком большая территория, слишком много возможностей. Потому и крестьянин пашню мог эксплуатировать до тех пор, пока она не перестала давать урожай. Он не удобрял почву, а просто изматывал ее до самого конца. Он знал, что он потом просто рядом раздерет пашню и все. И эти традиции остались. Но есть ведь и другие традиции. И надо стараться их не втаптывать в грязь.

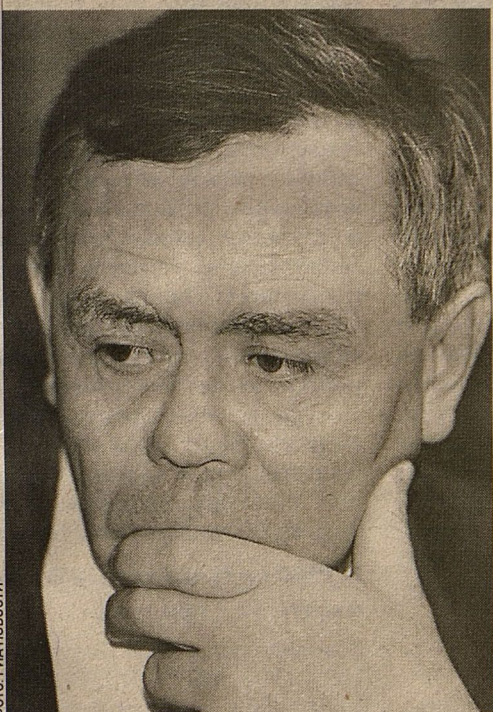

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ющий какие-то допуски делать в своем сердце, в душе своей, но и люди, которые будут считать, что увиденное на сцене — это и есть дозволенное. Когда мы идем в храм, мы же не позволяем себе каких-то вещей. А театр — это храм искусства. И в нем тоже каких-то вещей делать нельзя.

ИЗВЕСТИЯ: Храм — это храм, а театр — театр. В церкви действуют свои законы, а в искусстве свои. Поверять его одной нравственной пользой невозможно. Об этом, собственно, еще Пушкин писал...

РАСПУТИН: Я вам так скажу: когда у Додина или в МХТ у Табакова идут на какие-то эксперименты, то там это могут и с блеском делать. Мастерство есть мастерство. Но когда им подражают, особенно когда подражает провинция, то чаще всего получается просто похабство.

А потом, знаете, я стараюсь об этих вещах поменьше спорить сейчас. Это поначалу я спорил. Нужно так, а так ненужно. Мне кажется, сейчас атмосфера сама уже — может быть, даже без участия общества — способствует сближению полярных позиций. Этого сближения гораздо больше теперь, чем несколько лет назад. Я это чувствую...

ИЗВЕСТИЯ: И вы можете сказать, что сами стали за последнее время терпимее к тому, кого считаете своими оппонентами?

РАСПУТИН: Безусловно, могу. Иначе я, наверное, и не согласился бы, чтобы «Живи и помни» ставили в МХТ у Табакова. Если не идти навстречу друг другу, никогда и не встретишься.

ИЗВЕСТИЯ: Театральная Москва полнится слухами, что вам как-то очень припала мхатовская постановка. Вроде и замечаний никаких не было.

РАСПУТИН: Ну какие-то замечания были, но несущественные. Текст мой. Игра хорошая. Это, безусловно, психологический театр, то есть то, что сейчас уже почти уте-